

ВЫСТАВКА ОСТ В МОСКВЕ

ИГОРЬ ГРАБАРЬ

Среди московских художественных группировок последних четырех лет очень заметное место занимает ОСТ — Общество Станковистов. Основанное в 1924 г. в целях утверждения права художника на станковую живопись, права, непонятным образом подвергнувшегося в некоторых кругах в первые годы революции сомнению, общество пустило прочные корни в художественной жизни Москвы. Каждая из его выставок — а нынешняя, уже четвертая по счету — давала нечто новое по сравнению с предыдущей, свидетельствуя о его здоровой эволюции. Последняя далеко еще не завершена, и никак нельзя предвидеть, какие неожиданности готовит нам следующая выставка, но общая линия этой эволюции обозначилась уже сейчас.

Первая выставка ОСТа открылась в те дни, когда в европейском искусстве уже завершился начавшийся в 1920 г. знаменательный поворот от кубизма, экспрессионизма и футуризма в сторону нового реализма, от искусства отвлеченного — к искусству жизненному. Крайняя левая тогдашнего художественного мира Москвы, к тому времени уже значительно поправившаяся, раскололась на три группы — на чистых живописцев-реалистов, тянувших к «Бубновому Валету», на живописцев-стилистов и графиков, основавших новое общество «Четыре искусства», и на художников, которых можно было бы назвать «пост-экспрессионистами». Они-то, во главе с Штернбергом, и образовали основное ядро ОСТа.

Первые две выставки были еще отмечены некоторым экспрессионистским привкусом, на дальнейших — обозначились чисто живописные тенденции, сочетаемые временами с культом монументальности. Наиболее ярко обозначалось стремление к живописности на нынешней выставке. Правда, живописцы ОСТа несколько особого толка и живопись их не имеет ничего общего с той, которая культивируется на ОМХ'е. Если в этом Обществе чувствуется известное тяготение к французской художественной культуре, то живопись остовцев в значительной части обнаруживает влияние немецкой культуры. Этот немецкий дух не легко определим, но он несомненен. Больше всего он сказывается в некотором отсутствии вкуса, редко изменяющего французам и мало свойственного немцам, в известной тяжеловесности и неуклюжести.

От немецкого экспрессионизма у остовцев удержалось, в качестве своего рода атавизма, некое стремление к «экспрессивности», — выразительности, достигаемой при помощи нарочито заостренных приемов. Настоящий остовец не признает картины, в которой нет остроты. «Как остро!» — лучшая похвала в его устах. Художественная кухня без пряных приправ, без перца ему не по вкусу.

Как и все другие общества, ОСТ не представляет собою группы абсолютно однородной. И в ОСТе есть несколько течений и оттенков, и есть даже такие, вовсе выпадающие из общей установки фигуры, как Куприянов или Вайнер. Даже среди остовцев, идеологически более близких, есть немало расхождений и прямых противоположностей. Сам

Штернберг, основатель и душа ОСТа, стоит несколько особняком на выставке, в стороне от своих товарищей и прямых учеников.

Должен сознаться, что я никогда не был поклонником его «лабораторных» натюрмортов, построенных на комбинациях разнородных живописно-технических фактур. Мне всегда казалось, что эти фактурные искания слишком отдают приемами заурядного малярного ремесла, на манер немудреной разделки панели «под дуб», или «под мрамор». Правда, в ту пору еще не совсем было изжито увлечение техникой малярных работ и кустарных подносов, характерное для предшествующего десятилетия и отразившееся на живописи Бубнового Валета, но упрощенные приемы маляров и кустарей, столь освежившие живопись русского постимпрессионизма, мало способствовали украшению продукция нашего постэкспрессионизма и быстро сошли на нет, как вообще сошло на нет это курьезное тяготение к примитивной технике, сильно одобренной острой приправой «обратной перспективы» и тому подобным трюкажам, рассчитанным на усиление плоскостного впечатления. Все это было слишком от головы и мало от сердца, а где чувство на поводу у рассудка, там мало искусства. Но Штернберг упорно работал, и каждая новая выставка приносила с собой новые преодоления. Его последний большой холст «Работа» показывает совершенно новое лицо Штернберга: обозначившееся уже на выставке Совнаркомовских заказов, оно только теперь окончательно выяснилось. Это — серьезно продуманная и удачно построенная композиция, выдержанная в монументальных формах и удачно разрешенная в условной, но хорошо слаженной и гармоничной расцветке. Это — лучшее, что Штернберг написал до сих пор.

Любопытны и его гравюры-цирки из цикла «Москва старая и новая»: «Человек с медведем», «Нищие», «Извозчик». Очень заняты и красивы также иллюстрации к детской книжке Гурьяна «Негритацкие ребята».

Ближайший последователь Штернберга, Вильямс, в этом году заметно и к собственной выгоде ушел от него в сторону

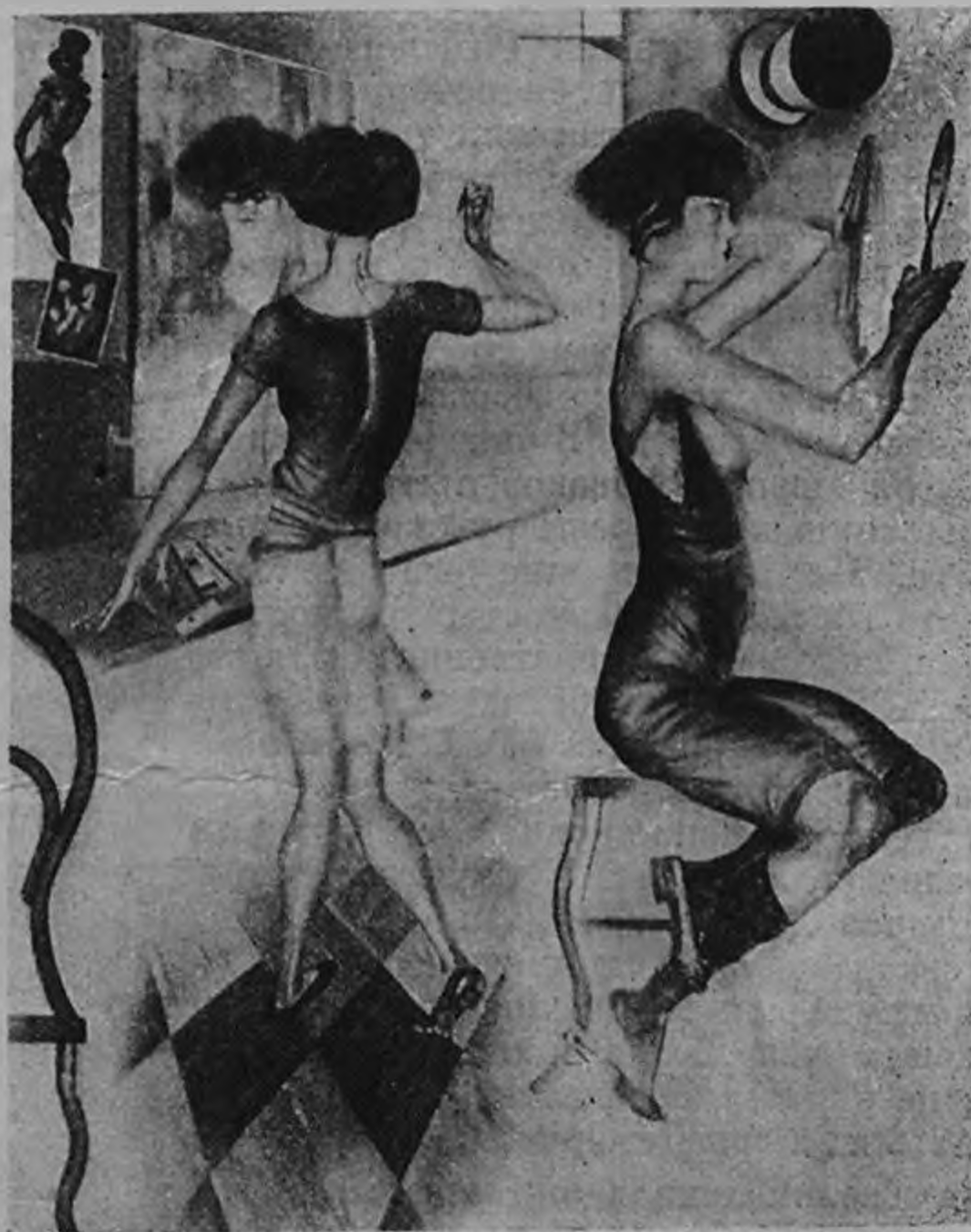
Вильямс

Автопортрет

Гончаров

«Убийство Марата»

Пименов

«Актрисы с зеркалами»

определенно живописных исканий, дав в «Купанье» свое собственное решение задачи.

Очень даровитому Гончарову хотелось бы от души пожелать упорнее и систематичнее поработать над рисунком и вообще формой: отличный выдумщик и сочинитель, он

дешевит свои счастливые инвестиции формальным косноязычием и пристрастием к принасти. И все же его композиция «Смерть Марата» действует на зрителя впечатляюще, не взирая на хаотичность и какую-то богемность оформления.

Из других представителей остовской молодежи больше всех выделяется Лабас, упрямый урбанист, отворачивающийся от сельской природы и целиком ушедший в городскую сутолоку да в жизнь пилотов. «Мертвая петля», «Качка на аэроплане», «В кабине» — вот названия его последних картин, столь не похожие на привычный, однообразный словарь выставочных каталогов. И самые вещи Лабаса не похожи на примелькавшиеся сюжеты наших выставок. Свой полуграфический вначале стиль он, подобно другим остовцам, по-немногу переводит на язык живописный. Особенно удачны его акварели городского цикла.

Пименов как-то мало двигается вперед, застыл на раз найденной композиционной и красочной концепции — жестко-плакатном стиле. Зато несомненные успехи делает Денисовский, давший отличный портрет Якудова. Тышлер, выставивший на Совнаркомовской выставке несколько чудовищно безвкусных и цинически нелепых холстов, сейчас дал серию из 8 акварелей, названную им «Лирический цикл» и изображающую голых женщин. В противоположность бледно-серой, скверной живописи Совнаркомовских картин на тему «Махновщина», эти акварели выдержаны в ярких, звучных, сочных и красивых цветах, но, к сожалению, до того бесформенны и ученически неграмотны, что, несмотря на несомненную одаренность автора, оставляют досадное впечатление каких-то непонятных и ненужных клякс.

Жертвенное место «Реком»

НОВЫЙ КУРОРТ КAVKAZA СВЯТИЛИЩЕ «РЕКОМ»

И. Будовниц

От урочища св. Николая (по местному Цуале), что на Военно-Осетинской дороге, высеченной на склоне горы вдоль ущелья бурной реки Цейдон, 10-километровый путь ведет на запад к знаменитому Цейскому леднику. На исходе десяти километра вы наталкиваетесь на вновь выстроенный в прошлом году санаторий осетинского облздравотдела, пропускающий около 500 отдыхающих в сезон. Санаторий делает чудеса: большинство больных за 2 недели пребывания в нем прибавляют в весе на 12–15 фунтов. В этих «чудесах» обильное питание, которое получают отдыхающие, играет куда меньшую роль, чем удивительно чистый, «вкусный» воздух, напоенный запахом соснового бора и ультра-фиолетовыми лучами. На целебное значение окрестностей Цейского ледника, где можно было бы устроить лучшую в Союзе и одну из лучших в мире горно-климатическую станцию, обратили внимание наши ученые бальнеологи еще в прошлом столетии. Они обивали пороги дарских министров и наместника царя на Кавказе, составляли обстоятельнейшие докладные записки, хлопотали и добивались хотя бы устройства дороги к оторванному от внешнего мира чудодейственному леднику. Но министры и наместник были заняты совсем другими делами, и то, что им оказалось не по плечу, выполнил скромный осетинский техник Карцев на скудные средства здравотдела маленькой автономной области... Этот техник Карцев, как о том возвещает высеченная на огромной скале по дороге в Цей надпись, построил санаторий и выбил в горах дорогу.

Но Цей привлекает к себе не только больных и усталых. Этот ледник служит еще местом паломничества для сотен туристов, которых привлекают здесь величественные виды природы, необычайно яркие панорамы и памятники седой старины.

Самым замечательным памятником является, несомненно, священный «Реком», расположенный на открытой поляне по дороге между санаторием и ледником. Это — небольшое, глухо заколоченное сооружение из тиссового дерева, которое на северном склоне Кавказского хребта нигде больше не встречается. Больше 800 лет тому назад люди принесли это дерево из южного склона сюда, к леднику, и соорудили в честь покровителя охотников Уастырджи (св. Георгия) жертвенное место «Реком».

Счастливые в добыче охотники не забывали своего высокого покровителя и приносили ему в дар бараньи и оленьи рога, черепа и кости. Еще и сейчас, когда вера в хороший винчестер уже куда сильнее, чем вера в силы Уастырджи, вы можете видеть массу сложенных у «Рекома» полуистлевших рогов и костей. В промежутке между ними валяются чашки, маленькие иконы, кресты, стрелы и другие мелкие предметы, которые почитатели святыни нанесли в изобилии не насытившему Георгию. Но сюда приходили не только удачливые охотники. Истощенные кровопролитной борьбой, отдельные осетинские племена и роды стекались к священной поляне, складывали здесь перед «Рекомом» свои смертоносные стрелы и именем святого Георгия клялись друг перед другом забыть родовую вражду и прекратить дальнейшее изнурительное кровопролитие.

Маленькая приземистая постройка, почерневшая от времени и открытая со всех сторон солнцу и ветру, зияет множеством щелей. Если вы заглянете в одну из

этих щелей, то увидите внутри все те же неизменные рога, черепа и кости. А в промежутке между ними поблещивают мелкие серебряные монетки, оттеняемые тусклыми медяками. Среди монет есть и несколько советских, с серпом и молотом, но я их насчитал всего на 37 копеек. Бедный святой Георгий живет теперь на скудном пайке...

Этот замечательный памятник старины разрушается не только от времени, солнца и ветра. Самый большой урон наносят этому замечательному памятнику старины вандалы наших дней — туристы и экскурсанты. Осетинский научно-исследовательский институт краеведения так беден, что не имеет средств даже для того, чтобы нанять для «Рекома» сторожа. Этим пользуются экскурсанты, которые растаскивают никем не охраняемые реликвии святилища и берут себе «на память» стрелы и другие предметы. Институт неоднократно возбуждал ходатайства, чтобы приняли меры для защиты и сохранения старинного святилища от не в меру любознательных «коллекционеров». Эти ходатайства увенчались, наконец, успехом. В самом ближайшем будущем, как только стает загромаждающий горные тропы снег, на «Реком» отправится научная экспедиция из видных археологов и краеведов, которые оборудуют на месте «Рекома» краеведческий музей.

Дары святого Георгия будут записаны в инвентарную книгу, к каждому из них будет прикреплен ярлычок с номером, и священное место «Реком» откроет пытливым ученым свои старые-старые тайны...

ОТ РЕДАКЦИИ:

непринятые рукописи не возвращаются

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Ленинград, 2, Фонтанка, 57

«На Волге»
(у Нижнего Новгорода)

КРАСНАЯ ПЛЮРМА

№ 25

Цена 10 коп.

Художник
Б. М. Кустодиев
(из неопубликованных рисунков)

КРАСНАЯ ПАНОРАМА

БЕЛЫЕ НОЧИ В ЛЕНИНГРАДЕ

На Мойке, у здания быв. Конюшенного ведомства

Рис. художника М. П. Бобышева